

АРТЕМ КРОТОВ*

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРВАЯ ИМПЕРИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАПОЛЕОНА III**

Получено: 02.11.2022. Рецензировано: 30.06.2023. Принято: 04.08.2023.

Аннотация: В статье анализируются основные положения политической программы Наполеона III, затрагивающие его понимание смысла истории. В известной мере продолжая линию рассуждения просветителей, он придерживался теории прогресса, который связывал с деятельностью выдающихся людей. Французскую революцию он считал событием великим, закономерным и позитивным, направленным на решение насущных социальных проблем. Но революция в его понимании удалась лишь частично, ее завершение и продолжение стали делом Первой империи. Именно в эту эпоху произошло примирение враждующих партий, хаос сменился порядком, был заложен фундамент последующего процветания страны. Реставрацию он рассматривал как отступление от линии прогресса, как торжество недостойных страстей, временный триумф политического труп. Возврат к бонапартизму в подобном контексте представлялся ему естественным продуктивным шагом, обеспечивающим надежное будущее. Современную ему эпоху он трактовал как переходную, а политиков — как погрязших в мелочных расчетах и коррупции. На смену им должен прийти лидер, твердо следующий установкам великого императора. Новая власть должна пользоваться поддержкой народа, но не потакать низменным настроениям толпы. По его мнению, народ руководствуется в большей степени сердцем, чем разумом, а потому наполеоновская идея порождает особую разновидность политической веры. Наполеон III хотя и стремился стать выразителем идеи прогресса, отмечая программу роялистов как направленную на сохранение отживших идей и отношений, в свою очередь, выступал с крайне консервативных позиций по многим вопросам, касавшимся политической организации общества. В умонастроении Наполеона III обнаруживаются черты, родственные позитивизму: подчеркивание роли науки в решении насущных социальных задач, ориентация на конкретные практические цели, признание невозможности общественной жизни вне определенной иерархии.

Ключевые слова: Французская революция, Первая империя во Франции, Наполеон III, философия истории, прогресс, бонапартизм.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-79-97.

Вопрос о значении для истории человечества Французской революции XVIII в., о соотношении ее достижений и отрицательных сторон, о ее связи с Первой империей неоднократно поднимался представителями самых различных политических группировок и философских

*Кротов Артем Александрович, д. филос. н., зав. кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета; МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва), krotov@philos.msu.ru, ORCID: 0000-0002-0590-4020.

**© Кротов, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

направлений на протяжении всего XIX столетия. Особое место в этом ряду занимает интерпретация ошеломляющих событий рубежа веков, принадлежащая Луи Бонапарту, в 1852 г. провозглашенному императором под именем Наполеона III. Разумеется, в его оценках присутствует и субъективность, и эмоциональная заинтересованность, и пропагандистский расчет. Но сами по себе эти оценки представляют важный факт как политической, так и культурной истории. Обращение к ним в современной ситуации позволяет сфокусировать внимание не только на механизмах трансформации власти, но и на тех особенностях социокультурного контекста, которые связаны с развитием философии XIX в. и которые нечасто попадали в поле зрения историков мысли, знатоков различных учений, школ и систем.

Луи Бонапарт по-своему претендовал на социально-философское осмысление новейшего отрезка истории, раскрытие его содержания и направленности. Полученное им воспитание, усвоенный взгляд на недавние исторические события, юношеский опыт вовлеченности в социальные конфликты эпохи подсказывали ему представление о собственной значительной роли в жизни человечества.

Общая задача данной статьи состоит в обосновании тезиса о том, что, вопреки распространенному мнению об отсутствии всякого значения фигуры Луи Бонапарта для интеллектуальной истории, подобная уничижительная трактовка неправомерна. При решении этой задачи основное внимание будет уделено реконструкции концептуального каркаса представлений Луи Бонапарта о смысле событий времен революции и сущности наполеоновской империи. Именно упомянутые представления служили прямым обоснованием программы политических действий претендента на власть, равно как и определяли его видение ближайшего будущего человечества. Ограниченность объема статьи не позволяет касаться многочисленных нюансов, сопряженных с проблемой эволюции взглядов Луи Бонапарта. Это важная и многомерная тема для отдельного исследования. В статье за особую, привилегированную точку отсчета принимается момент, когда представления Луи Бонапарта о революции и империи получают свое наиболее полное, своего рода итоговое оформление (1840). Это исключительно важный момент и в политической истории Франции, и в жизни претендента на престол. Для него уже осталась в прошлом первая неудачная попытка вооруженного захвата власти (Страсбург, 1836), но еще предстоит вторая (Булонь, 1840). Изложенная им в Лондоне программа была призвана послужить пропагандистским оправданием готовящейся акции, причем намеренно

вписанным в контекст социально-философских размышлений об истории. Впоследствии, находясь в заключении, Луи Бонапарт выдвинул идеи, подавшие повод к сближению его мировосприятия с сенсимонизмом. При этом от своих оценок ключевых в его понимании событий в недавней истории Франции он отнюдь не отказался, не подверг их пересмотру. Для него они навсегда сохраняют свое значение.

Еще до прихода к власти будущий император сформулировал теоретические положения, казавшиеся ему верно определявшими ближайшее будущее. Его он напрямую связывал с интерпретацией событий времен революции и империи. Уже в «Политических мечтаниях» (1832) он проводил мысль о том, что сущностью наполеоновской империи было «укрепление трона на принципах революции» (Napoléon III, 1856: I, 377). В «Наполеоновских идеях» (1839) он выделял две противоположные тенденции в жизни общества: с одной стороны, совершенствование и прогресс, с другой — дезорганизацию и разрушение. Наполеона он относил к великим людям, направляющим человечество на пути прогресса. Миссия Наполеона заключалась в исполнении заветов революции. Он объединил враждовавших между собой французов, упрочил завоевания революции, защитил их от посягательств феодальных держав, распространил их на всю Европу. Луи Бонапарт неоднократно проводил мысль о том, что Наполеон более других содействовал делу свободы, способствуя «моральному влиянию революции». Согласно Луи Бонапарту, политика Наполеона, в сущности, ставила целью создание «прочной европейской ассоциации» на основе системы национальностей и признания общих интересов.

В своего рода манифесте, работе «Наполеоновская идея» (Лондон, 1840), Луи Бонапарт констатирует, что Франция на протяжении последних 25 лет так и не обрела политической стабильности, несмотря на все предпринимавшиеся для этой цели усилия. Современную эпоху он именует переходной, призванной послужить своего рода ступенью между старым и новым политическими режимами. Непостоянство умов и действий свойственно, по его мнению, именно такого рода промежуточным этапам истории. Правительства, сменяющие друг друга, скорее полагаются на случай, чем проводят твердую, последовательную линию.

В истории Французской революции, именуемой Луи Бонапартом «великим движением 1789 года», он выделяет две главные черты, два измерения: социальное и политическое. «Социальная революция восторжествовала, несмотря на наши невзгоды, в то время как политическая

революция провалилась, несмотря на победы народа. В этом вся причина терзающих нас затруднений» (Napoléon III, 1856: 1, 3).

Наполеона он объявляет «истинным представителем... революции», видит в нем подлинного героя плебеев.

Когда в начале девятнадцатого века явилась выдающаяся личность Наполеон, общество целиком приобрело новый вид. Народные потоки успокоились, развалины исчезли, и тогда с удивлением увидели порядок и процветание, исходящие из того же горнила, которое их на краткое время поглотило (ibid.: 1, 4).

Великому человеку удалось решить сложнейшую задачу. Она затрагивала оба аспекта, оставшиеся в наследство от состоявшейся революции.

Он совершал отважно, но небеспорядочно и без излишества, переход между старыми и новыми интересами; он закладывал во Франции обширные основы, которые должны были обеспечить триумф социальной и политической революции (ibid.: 1, 4).

Усилия Наполеона не были напрасны, но его дело попытались поставить под сомнение его противники. Они воспользовались падением империи, чтобы возродить давно отжившие политические притязания. Незамедлительно возобновились прежние раздоры, казалось бы утихшие под властью императора. По мнению Луи Бонапарта, Бурбоны восстановили старый порядок «под маской либеральных идей». Но это был «труп», который не могли бы оживить никакие новые политические краски. Если будущее и связано с ориентацией на прошлое, то совсем иного рода:

Режим, установленный в 1800, руководимый высшим гением, заложил всюду прогрессивные учреждения на принципах порядка и власти (ibid.: 1, 4).

Тем не менее совокупность обстоятельств привела к отступлению от принципов мудрой наполеоновской политики. При возвратившихся Бурбонах здравые мысли перемешались в умах многих французов с ложными суждениями. Им стали внушать, что победоносные, великие армии времен республики и империи — всего лишь сборища бандитов; что нужно приветствовать как освободителей иностранцев, угнетающих родину; что сожалеющие о падении Наполеона, выдающегося героя, истинного представителя народа, — жалкие приверженцы деспотизма. Либералами стали именовать «любителей английской олигархической системы», которые пытались представить ее жителям Франции в качестве безупречного образца. Между тем, как настаивал Луи Бонапарт,

император действовал именем «опекающей и демократической власти», поскольку воплощал волю народа и саму революцию в части ее справедливых притязаний.

Революция, низвергнувшая Карла X, казалось бы, собиралась покончить с ситуацией смешения понятий и неуверенности в утвердившихся политических принципах. Она, согласно Луи Бонапарту, вызвала надежды на закрепление нового надежного и прочного курса, который отныне определял бы в позитивном ключе судьбу страны. Но вскоре стало ясно, что революция 1830 г. отнюдь не справилась с подобной задачей.

Тщетная надежда! Революция только посеяла среди нас еще больше элементов беспокойства и раздора, и сегодня существуют лишь смутные теории, мелочные интересы, гнусные страсти (Napoléon III, 1856: I, 5).

Июльской монархии недостает масштаба — как в отношении личности правителя, так и в плане социальной программы.

Сложившуюся ситуацию в стране Луи Бонапарт рисует самыми мрачными красками. «Коррупция — с одной стороны, ложь — с другой, и ненависть повсюду; вот наше положение!» (ibid.: I, 5) Очевидно, признать такого рода состояние государства приемлемым и достойным невозможно. Необходимы перемены — и Луи Бонапарт, претендуя на роль социального мыслителя, готов обозначить единственный спасительный выход. Читателю ясно и то, что скрыто между строк: автор «Наполеоновской идеи», предпринимавший попытку вооруженного мятежа, очевидно, готов и к практической реализации отстаиваемого им курса.

Проблема французского общества, как не устает повторять Луи Бонапарт, заключается в отсутствии направленного движения к достойной и четко обозначенной цели. Оно еще только пробует отыскать дорогу, его блуждания и скитания наводят на мысль о непрерывной авантюре, а не о поступательном развитии. Оно характеризуется интеллектуальным хаосом, с одной стороны, нищетой — с другой. В обществе не чувствуется присутствия великой идеи, которая оказалась бы достаточной, чтобы объединить под своим знаменем большинство граждан. Не хватает и популярной в народе личности, которая выступала бы «персонификацией», отражением всеобщего интереса.

Для Луи Бонапарта достаточным доказательством несостоятельности всех политических доктрин, выдвинутых после 1815 г., служат констатируемые им явления: разделение мнения, отсутствие величия, безразличие народа. С другой стороны, для него очевидны и общие

контуры того наилучшего, благотворного политического курса, которой тщетно, как ему кажется, пытаются выстроить его современники. В основе этого курса должна лежать наполеоновская идея. Она неотделима от личности императора, этого экстраординарного человека, оказавшегося способным рассеять мрак и возжечь свет там, где другие демонстрировали полную бездарность и неумение справиться с политическими затруднениями.

Луи Бонапарт с пафосом возвещает необходимость отбросить все социальные концепции «коллежских риторов» и взамен сосредоточиться на следовании заповедям императора. В этом и заключается искомый Францией путь, с несомненностью ведущий ее к процветанию и восстановлению поколебленного величия.

Автор «Наполеоновской идеи» ссылается на вечный исторический закон, будто бы подтверждающий его правоту. Суть закона в следующем: во все времена великие люди, соединявшие в себе талант военачальника и государственного деятеля, находили множество сторонников и оказывали мощнейшее влияние на последующие поколения. Даже смерть такого рода великой личности никогда не служила препятствием на пути сохранения заложенных ею основ общественных учреждений. Ее принципы выступали путеводной нитью народной жизни, долгое время определяли стабильность социума. Таковы законы Моисея, так же как и нововведения Магомета. Политика Цезаря на шестьсот лет вперед дала импульс римскому обществу. Карл Великий заложил основы феодально-религиозной системы, сохранявшейся в Европе восемьсот лет. Эта система, по сути, была переходным этапом от римской истории к современному обществу, формирование которого связано с революцией 1789 г. Наполеон, неотделимый от ее истории, согласно Луи Бонапарту, был даже более велик как законодатель, чем как полководец. Французам нужно, подчиняясь незыблемому закону истории, стать «апостолами» императора, воплотить в жизнь его замыслы, казалось бы поставленные под сомнение недавними событиями.

Более того, Луи Бонапарт проводит параллели между политикой и религией, сопоставляя деяния превозносимого им героя с воздействием Божества.

Великие люди имеют то общее с Божеством, что они никогда не умирают полностью. Их дух переживает их, и наполеоновская идея хлынула из могилы Святой Елены так же, как евангельская мораль торжествующе возвысилась, несмотря на Голгофские муки (Napoléon III, 1856: 1, 7).

Поэтому Луи Бонапарт считает уместным использовать выражение «политическая вера». Она, по его мнению, имеет то общее с религиозной верой, что в обоих случаях допустимо говорить о мучениках, апостолах, об особом царстве.

Наполеоновская идея, согласно Луи Бонапарту, — это «идея моральная, прогрессивная, цивилизаторская». Она несет вечные нравственные ориентиры, но не сводится к застывшим догмам, способствует изменению общества в сторону улучшения, совершенствования. Генетически она напрямую связана с революцией.

Наполеоновская идея вышла из Французской революции, как Минерва из головы Юпитера: в шлеме на голове и полностью покрытой железом. Она сражалась, чтобы существовать, она торжествовала, чтобы убеждать, она потерпела неудачу, чтобы возродиться из пепла, подражая в этом божественному образцу! (Napoléon III, 1856: 1, 8)

Даже в поражении императора, таким образом, следует видеть зарю будущего триумфа его системы ценностей. Эта система предполагает воссоздание порядка в обществе, десятилетиями разрываемом на части противоречивыми интересами и политическими установками. Порядок этот должен гармонично сочетать стремления самых разных категорий граждан, он не имеет ничего общего с деспотизмом. Ибо наполеоновская идея примиряет «порядок и свободу, права народа и принципы власти».

В обществе, по Луи Бонапарту, всегда ведут ожесточенную борьбу две партии, делающие ставку на прошлое или только на будущее. Наполеоновская идея, на его взгляд, — средний путь между ними. Она избегает крайностей, сочетает в себе древние формы с новыми принципами, не исключает ничего важного для социальной жизни. Она «дисциплинирует» демократию, придает ей строгие формы. Но она же черпает в демократии свою силу, находит в ней свою опору. Черпает свою силу она и в идее свободы, приготавливая, согласно Луи Бонапарту, ее будущее царство.

Наполеоновская идея возвышается над всеми партиями, только она одна способна их примирить, соединить.

Желая заложить надежные основы, она опирается своей системой на принципы вечной справедливости... Она заменяет наследственную систему старых аристократий иерархической системой, которая, обеспечивая равенство, вознаграждает заслугу и гарантирует порядок (ibid.: 1, 8–9).

Будучи чуждой духу партий, наполеоновская идея далека и от низких страстей толпы; поощряя индивидуальные заслуги, она выстраивает социальный порядок, следуя разуму как основному руководителю.

По мнению Луи Бонапарта, наполеоновская идея выступает объединяющим началом не только для граждан Франции, но и для всех европейских народов. Условие тому — следующее обстоятельство: она отбрасывает любой национальный предрассудок, преодолевает узкие рамки предвзятого, ограниченного мышления. В результате многочисленные народы Европы предстают членами единой большой семьи, между которыми не должно существовать ни острой вражды, ни принципиальных разногласий. Метод воплощения наполеоновской идеи таков: «Она действует не исключением, но примирением; она соединяет нацию вместо того, чтобы ее разделять» (Napoléon III, 1856: I, 9). Социальное примирение осуществляется на основе признания способностей и достижений каждого, учета заслуг и справедливого их вознаграждения. При этом никто не подвергается осуждению за давние отброшенные мнения и поступки, совершенные до установления империи с ее безусловно продуманной политической системой. Каждый человек получает возможность адекватного применения собственных сил в общественной жизни.

В отличие от множества иных режимов, обеспокоенных исключительно проблемой укрепления своего шаткого положения, система наполеоновского правления предполагает сосредоточение всех усилий на благосостоянии страны. Воплощение наполеоновской идеи означает ориентацию на конкретные дела, а не на пустопорожние блестящие речи, которые не имеют никакой ценности. «Она придает значение лишь вещам; она презирает бесполезные слова. Меры, обсуждаемые другими в течение десяти лет, она реализует за один год» (ibid.: I, 10). Луи Бонапарт уподобляет политические дискуссии своего времени средневековым схоластическим спорам, полагая их столь же бесплодными. В том и в другом случае, на его взгляд, главное подменяется несущественным, второстепенным, нередко бессмысленным. Так, политики могут энергично и громогласно стремиться к проведению «микроскопического закона, касающегося воображаемых гарантий». Другие столь же активно пытаются этому помешать. Что же до наполеоновской идеи, то она далека от подобного интеллектуального мелководья, «она не участвует в детской игре, но, исполинская сама по себе, когда она бьется, это война титанов; ее оружие — целые народы» (ibid.: I, 10).

По мнению Луи Бонапарта, отступления от наполеоновской идеи или ее успехи для всего мира выступают символами порабощения либо свободы. Разумеется, в отличие от противников установленной императором системы, рабство он связывает с торжеством антинаполеоновской политики. Для Луи Бонапарта именно наполеоновская идея выступает основой сближения народов, укрепления доверия и общения между ними, развития братских отношений. Охватывая все аспекты современного общества, идея эта делится на столько ветвей, сколько имеется сегментов в социальной жизни. Поэтому именно она, как убежден Луи Бонапарт, вносит оживление в сферу торговли, сельского хозяйства, способствует внедрению изобретений и проч. Она находит применение «всем рукам и всем умам» людей. Она всеобъемлюща и всепроникающа. Она воспитывает патриотизм, являясь напоминанием о великой славе. Она несет бедняку в его хижину не «бесплодные декларации о правах человека», а необходимую помощь, позволяющую избежать голодной смерти. Поэтому она популярна, народы готовы ей следовать. Предать забвению ее не удастся, она «стучится в каждую дверь», а ее возвышенность и действенность столь велики, что, по существу, «наполеоновская идея есть как бы евангелическая идея». Она «избегает роскоши», оказывает воздействие на умы, не нуждаясь ни в каких приукрашиваниях и ухищрениях. Война для нее — только крайнее средство, ее продвижение безостановочно, неудержимо. Никакая несправедливость не сумеет ее поколебать. Чужда она и низкой лести, заискивания перед массами. Опираясь на народ, она не прибегает к повадкам «демократического камергера». Только она способна избавить общество от традиционных недостатков прогнивших режимов.

Наполеоновская идея, обладающая сознанием своей силы, отбрасывает далеко от себя коррупцию, лесть и ложь, эти презренные вспомогательные средства слабости (Napoléon III, 1856: I, 11).

Она не делает ставку на проходящее в политике: на временные интересы и низменные мотивы. Она чужда тактике разжигания страстей, провоцирования конфликтов. Она не стремится к дешевой популярности. Она не опирается на ослепление и ненависть. Она во всем искренна, чужда интриг и лжи:

...она говорит каждому то, что думает, королю или трибуну, богатому или бедному; она удостаивает похвалы или выражает порицание, согласно тому, похвальны деяния либо достойны презрения (ibid.: I, 12).

Луи Бонапарт был убежден, что народ в своих симпатиях руководствуется более сердцем, чем рассудком. Поэтому его поддержку получить легко тому, кто завоевал его чувства. Ибо у народных масс чувства всегда предшествуют размышлениям. Этим Луи Бонапарт объяснял успехи в распространении христианской религии. Массы приняли ее, прежде чем рационально постигли все ее аспекты. Точно так же можно объяснить и притягательность для них наполеоновской идеи, их готовность поддерживать ее, служить ей. Наполеоновская идея в истолковании ее приверженца нужна для реорганизации общества, примирения всех его членов, всеобщего процветания. Она противится всякому деструктивному началу. В ее основе — принцип справедливости, которым слишком часто пренебрегали во времена общественных переворотов. Наполеон — первый из великих людей, кто сумел постичь истинную политическую мораль и попытался воплотить ее на практике.

Степень восхищения Наполеоном со стороны Луи Бонапарта кажется безмерной, его похвалы выходят далеко за пределы обычных оценок достоинств политических деятелей:

Влияние великого гения, подобное влиянию Божества, есть флюид, который распространяется, как электричество, возбуждает воображение, заставляет трепетать сердца и увлекает за собой, поскольку затрагивает душу, до того как убеждать (Napoléon III, 1856: I, 12).

Наполеон, согласно Луи Бонапарту, был склонен в большей мере использовать разум, чем грубую силу. Его излюбленный способ действий — убедить, чтобы примирить и соединить всех отношениями взаимного доверия. Однако при отсутствии альтернативы император всегда, не колеблясь, принимал вызов вражеских армий, отстаивая честь, славу, достоинство своей страны.

Как общий итог манифеста:

Наполеоновская идея, таким образом, по своей природе скорее идея мира, чем идея войны, скорее идея порядка и воссоздания, чем идея разрушения (ibid.: I, 13).

Заявленная в «Наполеоновской идее» программа не осталась простой декларацией, не была отброшена Луи Бонапартом в его последующей политической деятельности. Так, в обращении к согражданам накануне президентских выборов (1848) он утверждал, что само его имя служит символом «порядка и безопасности», ибо в его защиту говорит память об

императоре. Целью своей деятельности на президентском посту он провозглашает защиту общества от опасностей и разрушений. «Вечными основами» социальной организации он объявляет религию, семью и собственность. Национальное достоинство он связывает с сильной армией. Восстановление порядка в его понимании предполагает примирение всех враждующих партий. После совершенного им государственного переворота в одной из своих речей (1852) он объявил, что для блага Франции нет нужды в попытках применения новоизобретенных систем. Страна желает вернуться к империи, и это возвращение обеспечит обществу безопасность, в которой оно остро нуждается. «Империя — это мир» (Napoléon III, 1856: III, 343). Отныне завоевания должны лежать по большей части в сфере строительства железных дорог, каналов, распахки необрабатываемых земель. Они должны затронуть и интеллектуальную область: следует приложить усилия для опровержения ложных идеалов, для защиты истины.

Конечно, сугубо миролюбивой политику Наполеона III назвать сложно. Согласно А. В. Ревякину,

главной опорой бонапартистской диктатуры была верхушка французской армии. Наполеон III вполне удовлетворил ее жажду побед, чинов и наград. В 1854 г. он вмешался в конфликт Турции с Россией — началась Крымская война; в 1859 г. в союзе с Пьемонтом провел войну с Австрией; в 1863 г. послал экспедиционный корпус в Мексику; в 1867 г. направил войска в Италию против отрядов Гарибальди (Ревякин, 2000: 262–263).

Сам император ссылался на необходимость предпринятых им шагов, связанных с военными действиями. При этом он стремился всячески подчеркивать преемственность с поступками своего великого предшественника. Как отмечает Н. П. Танышина, «культ Наполеона в годы Второй империи приобретает вычурные формы» (Танышина, 2020: 145). В немалой степени тому способствовал новый император.

Среди западных философов — современников Луи Бонапарта — преобладали негативные характеристики его идей и политики. С этой точки зрения классический анализ бонапартизма представлен К. Марксом. Он рассматривал роль Луи Бонапарта в истории сквозь призму учения о классовой борьбе. Он изображает Бонапарта «авантюристом, скрывающим свое пошло-отвратительное лицо под железной маской мертвого Наполеона» (Маркс, 1985: 424). Это «ловкий шулер», правительство которого пытается опереться то на один, то на другой класс. Бонапарт выступает представителем консервативного, скованного суевериями

крестьянства, уповающего на отживший свое социальный порядок. Вместе с тем Бонапарт обретает поддержку среди люмпен-пролетариата, бездельников и проходимцев. Как их подлинный глава, в них он видит «массовое отражение своих личных интересов». Наконец, внепарламентская буржуазия была заинтересована в диктатуре, защищающей ее интересы, поэтому демонстрировала «холопское отношение» к Луи Бонапарту. Маркс не скрывает своего презрения к нему:

Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы, как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости (Маркс, 1985: 469).

С точки зрения Маркса, этот Наполеон, «более мелкий, чем его прототип», в своих поступках чаще всего либо подчинялся обстоятельствам, либо повторял за кем-то другим. Его мечта об императорской власти сбылась исключительно из-за благоприятной для него расстановки классовых сил.

Отметим, что в современной Луи Бонапарту русской философской культуре его образ также приобрел явно негативные черты. Так, для П. Я. Чаадаева Луи Бонапарт — «полу-шут, полу-злодей», «лишь смелый и наглый авантюрист, только случайно очутившийся во главе великой нации» (Чаадаев, 1991: I, 553–554). Декабрьский переворот 1851 г. во Франции он оценивает с позиции мыслителя, стоящего на стороне наследственной монархии, как «грубое торжество силы над правом». Диктатура, «мошеннически» навязанная, влечет за собой, по мнению Чаадаева, опасную анархию, она безнравственна и может носить только временный характер. И. В. Киреевский связывал приход к власти Луи Бонапарта с тенденциями общественного развития, рожденными эпохой Просвещения. Для него это деспот, воспользовавшийся изменчивостью политических настроений сограждан.

Во Франции же как скоро погасла вера, то и все убеждения пошатнулись. [...] Ныне она была в упоении от безбожия... завтра по указу Робеспьера пришла в восторг от того, что ей велено было признать единого Бога. Потом разом бросила все свои республиканские убеждения, с восторгом раболепствуя Наполеону. Потом была в восторге от конституции, потом сломала ее и пришла в восторг от республики. Теперь опять служит самовластному имени Наполеона (Киреевский и Киреевский, 2006: I, 155).

И. С. Аксаков был убежден, что Наполеон III, как и его выдающийся предшественник, выполняет особую «историческую революционную миссию». Его личность — закономерное порождение Запада, одновременно условие и двигатель его современного бытия. Но если Наполеон I был «артист в истории», «упивался поэзией своей судьбы», совершенно бездушно используя человечество в собственных целях, то Наполеон III — в большей степени «человек расчета». Отсюда различия в их политике. Один был непримиримым врагом Англии, стоявшей на пути его честолюбивых планов, другой усмотрел выгоду в союзе с нею (Аксаков, 1887: 4–45).

А. И. Герцен относил Луи Бонапарта к числу «пресных, бесхарактерных, бесплодных, стертых людей» («Письма из Франции и Италии»). Осуществленный Луи Бонапартом государственный переворот он охарактеризовал как лишенный «всякого живого начала», разрушительный для страны. «Республика пала зарезанная по-корсикански, по-разбойничьи, обманом, из-за угла». Для Герцена Луи Бонапарт — ловкий интриган, тщательно выверявший свой путь к власти:

Человека этого ничто не связывало. Иностранец, выросший вне Франции, он не делил ни хороших, ни дурных качеств французов, он их подсматривал и хладнокровно помечал. Постоянно изучая жизнь своего дяди, он в ней не мог найти ничего, кроме беспредельного презрения к французам и к людям вообще. Терять этому человеку было нечего, ожидать всего. Три года присматривался он и рискнул наверное (Герцен, 1955: 197–214).

Луи Бонапарту свойственно действовать исподтишка, под покровом ночи, прибегая к насилию. Н. Г. Чернышевский отмечал, что возможности и характер будущего императора представлялись в неверном свете большинству среди тех его современников, которые были включены в политическую борьбу. Он казался им личностью незначительной и безвольной, а между тем неуклонно следовал своим убеждениям.

Вообще способности Луи-Наполеона не бросались в глаза, подобно скрытой сердцевине дерева, ускользали от взгляда самых пронизательных судей... [...] Как в обыкновенных случаях жизни горячая вера доставляет человеку помощь и утешение во всяком затруднении... так и система первого Наполеона, представлявшаяся воображению его племянника духовным завещанием его фамилии, давала одушевление и силу его политическому поведению (Чернышевский, 1974b: 120–121).

Для Л. Н. Толстого Наполеон III — деспот, преследовавший личные цели, как и многие правители. Свободу французов он совсем не увеличил.

В феврале 1857 г. Толстой записал в «Дневнике»: «Читал речь Наполеона с неописанным отвращением» (Т90. Т. 47: 114). Ф. М. Достоевский неоднократно высказывал мысль о том, что для Наполеона III личные мотивы, интересы династии всегда были выше общенациональных. В «Дневнике писателя» (март 1876) он, уподобляя графа Шамбора Дон Кихоту, заявлял: «Какая разница с недавним Наполеоном, пройдохой и пролетарием, обещавшим всё, отдавшим всё и надувшим всех, только чтоб достигнуть власти» (Д30. Т. 22: 92).

Разумеется, суждения современников Луи Бонапарта, окрашенные в темные тона, напрямую связаны с их вовлеченностью, прямой или косвенной, в политические события эпохи. В исследовательской традиции XX в., в целом призывающей к объективности и беспристрастности, принято подчеркивать и слабые, и сильные стороны Наполеона III как политика. Так, по мнению Е. В. Тарле,

Наполеон III имел и ум и волю и порой... проявлял бесспорную проницательность и умение целесообразно и последовательно подходить к очень нелегким задачам... [...] Слабой стороной ума французского властелина была склонность к политическому фантазерству и, как о нем говорили, неспособность думать не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне (Тарле, 1950: II, 132).

Поль Герियो отмечал важную личностную особенность Луи Бонапарта: несмотря на обманчиво мягкие манеры, он настойчиво, твердо проводил свою линию, практически не поддаваясь на попытки окружающих повлиять на принятые им принципы.

Претендент, президент Республики или император Луи-Наполеон во времена, пока болезнь еще не ослабила его воли, с трудом будет отказываться от мнения или проекта (Guériot, 1980: I, 36).

Нередко он будет возвращаться к идеям, казавшимся им оставленными, спустя месяцы и годы.

Взаимосвязь между его мировосприятием и политической судьбой в разных формах отмечалась многими авторами. Тьерри Ленц утверждает, что обнародование будущим императором своего «видения бонапартизма» имело важное политическое значение, этот текст «подтверждал его место в борьбе за власть» (Lentz, 1995: 20). П. П. Черкасов справедливо подчеркивает: в своих работах 30-х гг. XIX в. Луи Бонапарт

доказывает, что лучшая форма государственного устройства — это народная монархия, основанная на республиканских принципах, включающих не только разделение властей, но и всеобщее избирательное право. [...] Автор убежден,

что наполеоновская империя в полной мере соответствовала этому идеалу, который был утрачен после 1815 г. и который Франция обязана обрести вновь. Достижению этой заветной цели он и посвятит свою жизнь (Черкасов, 2019: 280–281).

Фредерик Блюш проводил прямую связь между мировосприятием Луи Бонапарта и его программой политических действий.

«Демократический цезаризм» Наполеона III — не что иное, как воплощение императорского наследия, просмотренного и исправленного на острове Святой Елены. Оно будет несовершенно реализовано во времена Второй империи (Bluche, 1981: 5).

Луи Жирар подчеркивает, что, систематизировав свои воззрения к тридцати годам, Луи Бонапарт провозгласил необходимость вернуться к программе низвергнутого императора. Падение Наполеона, по его мысли, обернулось катастрофой для Европы. Но в его глазах это было временное отступление от необходимого порядка, сопряженного с идеей социального прогресса.

Для Луи-Наполеона история имеет смысл; человеческие общества прогрессируют в силу естественного закона. Но этот прогресс должен без конца бороться против дезорганизующих страстей, неотделимых от человеческой природы (Girard, 2013: 47).

Эрик Ансо отмечает, что Луи Бонапарт, обнародовав свою концепцию,

превознес Наполеона, представив его как либерала, привязанного к принципам 1789 года, счастью народа и стремлениям национальностей (Anseau, 2008: 79).

Рафаэль Лалу заявляет: Луи Бонапарт придал своим идеям характер личностного манифеста, представлявшего собой попытку «модернизации бонапартизма» (Lahlou, 2006: 37).

Подводя итоги, заметим, что интерпретация Наполеоном III событий революционной эпохи и времен Первой империи несет на себе следы влияния просветительской идеологии. Оно выражается в приверженности теории прогресса, в призывах следовать разуму и противостоять отжившим предрассудкам. С другой стороны, в противоположность просветителям он, не колеблясь, пытался придать отдельным тезисам своей политической программы религиозный смысл.

С позитивизмом его сближает убеждение в необходимости улучшения общества на основе науки, трактовка современности как переходной

эпохи, нежелание отказаться от иерархической организации социального бытия, ориентация на практические цели, сопровождаемая критикой тех, кто опирается на пустые слова.

Бонапартизм в размышлениях Наполеона III предстает как путь преодоления хаоса и нищеты. Это также средний путь, проходящий между двумя крайностями, позволяющий соединить все лучшее, что есть в общественной жизни. Высшей целью в подобном контексте провозглашается благо общества. В перспективе оно мыслится как предполагающее объединение Европы. Но решающее значение для этого объединения должны иметь рожденные во Франции идеалы.

В целом для Наполеона III характерно положительное отношение к революции второй половины XVIII в. Деятельность Наполеона I он истолковывал как своеобразное продолжение и завершение революции. Ведь революция в его понимании не смогла выполнить всех своих задач, а потому нуждалась в герое, способном продолжить ее дело. Выделяя во всемирной истории две ведущих тенденции, прогрессивную и разрушительную, Наполеон III посредством этой схемы объяснял крушение Первой империи и, как ему казалось, временное отступление от бонапартистских идей. Если социальная революция оказалась успешна, то политическая не была доведена до завершения. Политическая реализация наполеоновской идеи и мыслилась им как такого рода завершение. Ибо только Наполеону I, на его взгляд, удалось наполнить истинным содержанием свойственные революционному времени заявления о правах человека.

Наполеону III так и не смог реализовать замысел единения нации вокруг заявленной им бонапартистской программы. С этим обстоятельством во многом связана неустойчивость Второй империи. С принципами бонапартистской политики, несомненно, сопряжены и негативные оценки личности новоявленного императора, встречающиеся в статьях, дневниках многих его современников.

Обвиняя своих политических оппонентов в желании законсервировать отжившие социальные порядки, Наполеон III сам в немалой степени стремился к тому же, только в иной форме.

СОКРАЩЕНИЯ

- Дзо *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. / под ред. В. Г. Базанова, Г. М. Фридлиндера, В. В. Виноградова. — М., Л. : Наука, 1972—1990.
Т. 22 : Дневник писателя за 1876 год. Январь — апрель / под ред. В. Г. Базанова, А. В. Архишовой. — 1979—1990.
- Тго *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений : в 90 т. / под ред. В. Г. Черткова. — М. : Художественная литература, 1928—1958.
Т. 47 : Дневники и записные книжки, 1854—1857. — 1937.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков И. С.* Сочинения И. С. Аксакова 1860—1886 : в 7 т. — СПб. : Типография Л. Г. Волчанинова, 1886—1887.
- Аксаков И. С.* Сочинения И. С. Аксакова 1860—1886. В 7 т. Т. 7. Общеввропейская политика. — СПб. : Типография Л. Г. Волчанинова, 1887.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 5. — М. : Издательство АН СССР, 1955.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений : в 30 т.
- История Европы. В 5 т. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны / под ред. Е. В. Гутнова, З. В. Удальцова. — М. : Наука, 2000.
- Киреевский И. В., Киреевский П. В.* Полное собрание сочинений : в 4 т. — Гриф : Калуга, 2006.
- Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта : пер. с нем. // Избранные произведения. В 3 т. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Политиздат, 1985. — С. 418—516.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. — М. : Политиздат, 1985.
- Ревякин А. В.* Революция 1848 года во Франции // История Европы. В 5 т. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны / под ред. Е. В. Гутнова, З. В. Удальцова. — М. : Наука, 2000. — С. 247—263.
- Таньшина Н. П.* Наполеон Бонапарт : между историей и легендой. — СПб. : Евразия, 2020.
- Тарле Е. В.* Крымская война : в 2 т. — М. : Издательство АН СССР, 1950.
- Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. / под ред. З. А. Каменского. — М. : Наука, 1991.
- Черкасов П. П.* Первые лица Франции : от Генриха IV до Эммануэля Макрона. — М. : Товарищество научных изданий КМК, 2019.
- Чернышевский Н. Г.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5. — М. : Правда, 1974а.
- Чернышевский Н. Г.* Франция при Людовике-Наполеоне // Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5. — М. : Правда, 1974б. — С. 113—175.

- Anceau E.* Napoléon III. Un Saint-Simon à cheval. — Paris : Tallandier, 2008.
- Bluche F.* Le bonapartisme. — Paris : PUF, 1981.
- Girard L.* Napoléon III. — Paris : Fayard, 2013.
- Guériot P.* Napoléon III : en 2 t. — Paris : Payot, 1980.
- Lahlou R.* Napoléon III ou l'obstination couronnée. — Paris : Bernard Giovanngeli, 2006.
- Lentz T.* Napoléon III. — Paris : PUF, 1995.
- Napoléon III.* Œuvres : en 4 t. — Paris : Plon et Amyot, 1856.

Krotov, A. A. 2023. "Frantsuzskaya revolyutsiya i Pervaya imperiya v interpretatsii Napoleona III [French Revolution and First Empire in interpretation of Napoleon III]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (3), 79–97.

ARTEM KROTOV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY,

HEAD OF THE DEPARTMENT OF HISTORY AND THEORY OF WORLD CULTURE

OF THE FACULTY OF PHILOSOPHY

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-0590-4020

FRENCH REVOLUTION AND FIRST EMPIRE IN INTERPRETATION OF NAPOLEON III

Submitted: Nov. 02, 2022. Reviewed: June 30, 2023. Accepted: Aug. 04, 2023.

Abstract: The article analyzes the main provisions of Napoleon III's political program, affecting his understanding of the meaning of history. To a certain extent, continuing the line of reasoning of enlighteners, he adhered to the theory of progress, which he associated with the activities of prominent people. He considered the French Revolution as a great, necessary and positive event aimed at solving pressing social problems. But the revolution, in his understanding, was only partially successful, its completion and continuation became the task of the First Empire. It was in this epoch that the reconciliation of the warring parties took place, chaos was replaced by order, the foundation was laid for the subsequent prosperity of the country. He saw the restoration as a retreat from the line of progress, as a triumph of unworthy passions, a temporary victory of a political corpse. A return to Bonapartism in such a context seemed to him to be a natural productive step, ensuring a reliable future. He interpreted the modern epoch as transitional, and politicians—as mired in petty calculations and corruption. They should be replaced by a leader who firmly follows the installations of the great emperor. The new government should have the support of the people, but not indulge the base sentiments of the crowd. In his opinion, the people are guided more by heart than reason, and therefore the Napoleonic idea gives rise to a special type of political faith. Napoleon III, although he sought to become an exponent of the idea of progress, brushing away the royalist program as aimed at preserving outdated ideas and relations, in turn, spoke from extremely conservative positions on many issues related to the political organization of society. In the world view of Napoleon III, features are found that are related to positivism: emphasizing the role of science in solving pressing social problems, focusing on specific, practical goals, recognizing the impossibility of social life outside a certain hierarchy.

Keywords: French Revolution, The First French Empire, Napoleon III, Philosophy of History, Progress, Bonapartism.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-79-97.

REFERENCES

- Aksakov, I. S. 1887. *Obshcheyevropeyskaya politika [European Politics]* [in Russian]. Vol. 7 of *Sochineniya I. S. Aksakova 1860–1886 [Writings of I. S. Aksakov 1860–1886]*. 7 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya L. G. Volchaninova.
- Anceau, E. 2008. *Napoléon III. Un Saint-Simon à cheval* [in French]. Paris: Tallandier.
- Bluche, F. 1981. *Le bonapartisme* [in French]. Paris: PUF.
- Chaadayev, P. Ya. 1991. *Polnoye sobraniye sochineniy i izbrannyye pis'ma [Complete Works and Selected Letters]* [in Russian]. Ed. by Z. A. Kamenskiy. 2 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Cherkasov, P. P. 2019. *Pervyye litsa Frantsii [The First Persons of France]: ot Genrihha IV do Emmanyuelya Makrona [From Henry IV to Emmanuel Macron]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK.
- Chernyshevskiy, N. G. 1974. "Frantsiya pri Lyudovike-Napoleone [France under Louis Napoleon]" [in Russian]. In vol. 5 of *Sobraniye sochineniy [Complete Works]*, 113–175. 5 vols. Moskva [Moscow]: Pravda.
- Dostoyevskiy, F. M. 1972–1990. *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]* [in Russian]. Ed. by V. G. Bazanov, G. M. Fridlender, and V. V. Vinogradov. 30 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Nauka.
- Gertsen, A. I. 1955. [in Russian]. Vol. 5 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Girard, L. 2013. *Napoléon III* [in French]. Paris: Fayard.
- Guériot, P. 1980. *Napoléon III* [in French]. 2 vols. Paris: Payot.
- Kireyevskiy, I. V., and P. V. Kireyevskiy. 2006. *Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Collection of Works]* [in Russian]. 4 vols. Grif: Kaluga.
- Lahlou, R. 2006. *Napoléon III ou l'obstination couronnée* [in French]. Paris: Bernard Giovanangeli.
- Lentz, T. 1995. *Napoléon III* [in French]. Paris: PUF.
- Marx, K. 1985. "Vosemnadsatoye bryumera Lui Bonaparta [Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte]" [in Russian]. In vol. 1 of *Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]*, by K. Marks and F. Engel's, 418–516. 3 vols. Moskva [Moscow]: Politizdat.
- Napoléon III. 1856. *Œuvres* [in French]. 4 vols. Paris: Plon et Amyot.
- Revyakin, A. V. 2000. "Revolutsiya 1848 goda vo Frantsii [The Revolution of 1848 in France]" [in Russian]. In *Ot Frantsuzskoy revolyutsii kontsa XVIII veka do pervoy mirovoy voyny [From the French Revolution of the Late XVIII Century to the First World War]*, vol. 5 of *Istoriya Yevropy [History of Europe]*, ed. by Ye. V. Gutnova and Z. V. Udaltsova, 247–263. 5 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Tan'shina, N. P. 2020. *Napoleon Bonapart [Napoleon Bonaparte]: mezhdya istoriyey i legendoy [Between History and Legend]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevraziya.
- Tarle, Ye. V. 1950. *Krymskaya voyna [The Crimean War]* [in Russian]. 2 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Tolstoy, L. N. 1928–1958. *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]* [in Russian]. Ed. by V. G. Chertkov. 90 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.